

ЦАРСКИЙ ДОМ

Великий князь
Гавриил Константинович

В МРАМОРНОМ
ДВОРЦЕ

Царский Дом

Великий Князь Гавриил Романов
В Мраморном дворце

«ВЕЧЕ»

1955

Романов В. К.

В Мраморном дворце / В. К. Романов — «ВЕЧЕ»,
1955 — (Царский Дом)

ISBN 978-5-4444-8405-0

Книга воспоминаний великого князя Гавриила Константиновича Романова «В Мраморном дворце» – не просто мемуары, а весьма ценный источник по российской истории конца XIX – начала XX века. Повествование охватывает период с 1887 по 1918 год. Гавриил Константинович рассказывает о таких событиях, как коронация Николая II, гибель П.А. Столыпина, празднования 100-летия Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых, первая российская Олимпиада, начало Первой мировой войны, убийство Григория Распутина, Февральский и Октябрьский перевороты в Петрограде, начало красного террора. Много внимания Гавриил Константинович уделяет повседневной жизни представителей династии Романовых, особенно ветви Константиновичей. Впервые книга вышла в свет в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке в 1955 году.

ISBN 978-5-4444-8405-0

© Романов В. К., 1955

© ВЕЧЕ, 1955

Содержание

От автора	5
Глава I. Мой отец	6
Глава II. 1887–1895. Ранние годы	10
Глава III. 1896. Коронация в Москве	16
Глава IV. 1897. Парады	19
Глава V. 1900–1902. Кадет	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гавриил Константинович Романов

В мраморном дворце

От автора

В нелегкой борьбе за существование, вдали от Родины, нам остались лишь воспоминания – о том, что дорого нам было там; мне – о жизни нашей семьи, в ряде долгих и долгих лет неразрывно связанной с жизнью нашей великой родины, с ее постепенным ростом, с ее историческими судьбами.

Мне было дано видеть, знать эту жизнь близко, ближе, чем многим другим, знающим ее только со стороны, понаслышке, по рассказам, далеко не всегда беспристрастным.

И я сочту свой долг исполненным, если мои краткие, непритязательные, но протокольно точные записи-воспоминания внесут в установившиеся уже образы хоть некоторые новые, исторически верные, жизненно правильные черты.

Привожу справку, почему я, получивший при рождении титул князя крови императорской с титулованием высочеством, теперь именуюсь великим князем и титулуюсь императорским высочеством.

Ввиду быстрого роста числа членов императорской фамилии, император Александр III счел необходимым ввести изменение в “Учреждение об Императорской Фамилии”. 2 июля 1886 года был издан новый закон, по которому уже правнуки императора признавались не великими князьями, а князьями крови императорской и должны были титуловаться не императорскими высочествами, а просто высочествами.

Первыми подпали под этот закон мой старший брат князь Иоанн Константинович (род. 23 июня 1886 г.) и я (род. 3 июля 1887 г.).

В 1886 г., когда этот закон был издан, насчитывалось двадцать два члена императорской фамилии мужеского поколения и все имели великокняжеский титул.

В 1937 году было здравствующих пять великих князей и девять князей крови императорской. На это обстоятельство обратил внимание глава династии великий князь Кирилл Владимирович, и возник вопрос о своевременности отмены закона 1886 года. Но эта отмена в обстановке нахождения главы династии вне России встретила серьезные возражения: ею был бы поколеблен принцип незыблемости “Учреждения об Императорской Фамилии”, что могло бы отразиться на ясности вопроса о престолонаследии. Поэтому глава династии отверг мысль об отмене означенного закона и, в соответствии с духом ст. 219 “Учреждения об Императорской Фамилии”, решил в 1937 году давать великокняжеский титул князьям крови императорской в личном порядке, считаясь с возрастным старшинством.

В связи с этим решением возник в первую очередь вопрос о даровании великокняжеского титула мне, как старейшему князю крови императорской.

Возбуждение означенного вопроса совпало с началом тяжелой болезни главы династии великого князя Кирилла Владимировича, и потому, хотя этот вопрос в принципе и был решен, но его оформление задержалось, а последовавшая вскоре кончина Кирилла Владимировича вовсе помешала его осуществлению. Новый глава династии великий князь Владимир Кириллович довершил осуществление мысли, возникшей у его отца, и даровал мне в 1939 году великокняжеский титул с правом титуловаться императорским высочеством.

Глава I. Мой отец

Целовал, но руки не подавал – Куинджи не дает ему взять в плавание свою “Ночь на Днепре” – Запрет вставлять иностранные слова в русскую речь – Молитвы. Музыка. Книги. Дневник – Командир Преображенского полка – Генерал-инспектор военно-учебных заведений – Председатель Русского музыкального общества – Основатель женского пединститута в Петербурге – Президент Академии наук – Нелицемерно признанный всеми поэт К.Р.

Светлый образ отца стоит перед моими глазами: большого роста, с русой бородкой и очень красивыми руками, с длинными пальцами, покрытыми кольцами.

Здороваясь с нами, детьми, он нас целовал, беря за лицо, но руки не подавал. Когда же здоровался с нами в день причастия, перед тем, как идти в церковь, он нас не целовал: до причастия целоваться не положено. И тогда подавал руку.

По утрам, в восемь часов, когда отец выходил в столовую пить кофе, он посылал за нами своего камердинера. Наши няни, Вава и Атя, приводили нас. Отец обычно бывал одет в серую тужурку и сидел в углу, на диване, за небольшим, на возвышении, столом.

В столовой висела громадная картина, изображавшая убитого шведского короля Карла XII, несомого на носилках своей гвардией, кисти Седерстрема. Отец любил живопись. В его приемном кабинете в Мраморном дворце, среди других, висела картина Куинджи “Ночь на Днепре”; отец купил ее, будучи молодым морским офицером. Картина ему понравилась, и он решил ее приобрести. Куинджи ответил, что “она не для вас, молодой человек”: он не узнал отца. Картину отец все-таки приобрел и, уходя в плавание, решил взять с собою. Узнав об этом, Куинджи собирался возбудить процесс, считая, что его знаменитая картина в плавании испортится. Но отец картину все-таки взял, и никакого процесса не было.

По вечерам, когда мы, дети, ложились спать, отец с матушкой приходили к нам, чтобы присутствовать при нашей молитве. Сперва мой старший брат, Иоанчик, а за ним и я становились на колени перед киотом с образами в нашей спальне и читали положенные молитвы, между прочим, и молитву Ангелу-Хранителю, которую, по семейному преданию, читал ребенком император Александр II. Отец требовал, чтобы мы знали наизусть тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни. Часто и дяденька (младший брат отца, великий князь Дмитрий Константинович) присутствовал при нашей вечерней молитве; когда мы ошибались, родители или дяденька нас поправляли.

Отец был с нами очень строг, и мы его боялись, “не могу” или “не хочу” не должны были для нас существовать. Но отец развивал в нас и самостоятельность: мы должны были делать все сами, игрушки держать в порядке, сами их класть на место. Отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски.

В молельной у отца, в Мраморном дворце, между кабинетом и коридором висело много образов и всегда теплилась лампадка. Каждый день приносили в молельню из нашей домово́й церкви икону того святого, чей был день. Эти иконы, все в одном и том же стиле, дарили отцу мои дяди Сергей Александрович и Павел Александрович.

Позднее, когда мы подросли и уже самостоятельно приходили к отцу здороваться, дежурный камердинер нам говорил, что нельзя войти, потому что “папа молится”. Помолвившись, отец здоровался с нами и шел в столовую. Напившись кофе, он тут же, за столом, просматривал газету, которая клалась подле его прибора.

В Петербурге, Павловске или Стрельне, если отец бывал свободен, мы ходили с ним гулять пешком. Прогулки с отцом, в которых часто принимала участие и матушка, мы очень любили.

Дома отец иногда садился за рояль, – он отлично играл и был прекрасно музыкально образован. Учил его Рудольф Васильевич Кюндингер, отец называл его “Руди”. Он приходил раз в неделю, и отец под его руководством играл в “готической” комнате, после чего Руди всегда оставался завтракать. У отца было дивное туше, и он особенно хорошо играл прелюды Шопена, и я очень любил его слушать и смотреть на его красивые пальцы, бегавшие по клавишам.

Отец много читал и писал. Он внимательно следил как за русской, так и за иностранной литературой и прочитывал по возможности все новые книги. Всю свою жизнь он вел дневник, который писал в тетрадях в желтых кожаных переплетах, и завещал напечатать его через девяносто лет после своей смерти.

По вечерам, после обеда, отец с сигарой во рту вновь садился за письменный стол. В его маленьком, уютном кабинете всегда так хорошо пахло сигарами... В семейном кругу он не любил говорить о своих делах, а тем более – тревогах. Когда у него бывали неприятности, он переживал их молча, “носил их в своем сердце”, – потому оно и не выдержало долго.

Такой я видел жизнь отца в течение длинного ряда лет, но – надо сказать прямо – жизнь его выходила далеко за пределы семьи, основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России.

Строевой начальник, отечески заботившийся до мелочей о своих солдатах, знавший всех унтер-офицеров сперва Измайловского, а затем Преображенского полка по фамилиям; главный начальник, а затем генерал-инспектор военно-учебных заведений, много раз исколесивший Россию в поездках по корпусам и военным училищам; энергичный работник в Комитете трезвости, старавшийся оздоровить Россию; видный деятель и преобразователь Комитета грамотности, мечтавший всю Россию сделать грамотной и боровшийся с Победоносцевым за народную школу; основатель и фактический руководитель Женского педагогического института в Петербурге; враг неразумных преследований учащейся молодежи; долголетний президент Академии наук, связавший свое имя со многими важными в ней начинаниями; создатель при ней Разряда изящной словесности и сам первый свободно избранный почетный академик; организатор известных в свое время “Измайловских досугов”; председатель Русского музыкального общества, поддерживавший со многими, в частности с Чайковским, деятельную переписку; наконец, видный литературный деятель, нелицемерно признанный всеми поэт К.Р., оставивший, кроме богатого литературного наследства в виде оригинальных произведений, переводы Гётевской “Ифигении в Тавриде”, Шиллеровской “Мессинской невесты”, Шекспировского “Гамлета”, сам воплощавший на сцене их великие образы; оставивший ценнейшие комментарии к этим мировым сокровищам и в конце жизни создавший “Царя Иудейского”, в котором, по общему признанию, глубочайшее религиозное чувство соединилось с утонченным изобразительным даром. И во всей этой многосторонней деятельности – кипучая энергия, желание всегда довести до конца начатое.

Второй сын генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, отец родился в 1858 г. и с малолетства готовился к морской службе. Но морская служба отца не увлекла, да и здоровье не позволило ему в ней оставаться. Он перешел в сухопутные войска.

Перейдя в пехоту, отец хотел поступить в лейб-гвардии Павловский полк, но мой дед потребовал, чтобы он поступил в Измайловский по той причине, что отец мой числился в этом полку со дня своего рождения. Таким образом, 15 декабря 1883 г. он стал измайловцем. Будучи поэтом и большим любителем драматического искусства, отец организовал в Измайловском полку так называемые “Досуги”, – литературные собрания, на которых устраивались также и любительские спектакли. В феврале 1900 года в Эрмитажном театре был поставлен “Гамлет”, и я помню, как в вечер спектакля, когда отец уехал в театр (он играл самого Гамлета), лакей Крюков с большим трудом внес в гостиную родителей мраморный бюст Офелии: это был подарок матушки – отцу. Он должен был увидеть его, вернувшись со спектакля.

В офицерском собрании Измайловского полка театральные представления происходили на складной сцене – подарок знаменитого актера Александринского театра В.Н. Давыдова. Давыдов почти всегда режиссировал спектакли “Досугов”.

22 апреля 1891 г. отец был назначен командующим лейб-гвардии Преображенским полком, во главе которого он оставался до марта 1900 г. При нем одно время, до вступления на престол, командиром первого батальона был наследник цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II). По общим отзывам, это был усердный и исполнительный офицер.

Вступив в командование полком, отец старался улучшить условия жизни солдат с первого дня прибытия их в полк. Офицеров он нередко приглашал к завтраку и обеду, причем иногда и с женами. Помню, как после одного из таких обедов одна из Преображенских дам учила матушку в большой гостиной танцевать падекатр, который тогда был в большой моде.

Я очень любил видеть отца верхом, перед полком. В строю он был очень элегантен и красиво сидел на лошади. Весной полк уходил в Красное Село и оставался там с апреля по август. Отец всю неделю проводил в лагере и приезжал в Павловск или Стрельну только по субботам, к вечеру, и оставался до вечера воскресенья; он приезжал в коляске тройкой, которой неизменно правил ямщик Филипп, возивший отца со дней коронации императора Александра III.

Мы очень любили ездить в Красное Село, к отцу, в лагерь. Будучи командиром Преображенского полка, отец жил в лагере в большом доме, который был построен для императора Николая II, когда тот был еще наследником. В доме было очень уютно, а в саду, в траве, лежала большая, голубая майоликовая лягушка.

Мы приезжали в Красное в собственных ландо на почтовых четверках и в тот же день возвращались обратно. Пили у отца чай, ходили по лагерю, заходили в конюшню и садились на его серую кобылу Маруську, а конюх Петр Заздравный водил ее под уздцы. Однажды мы приехали к отцу в лагерь, когда полк возвращался с маневров. Полк выстроился перед передней линейкой, отец на лошади скомандовал: “Под знамя, слушай на-кра-ул”, – музыка заиграла полковой марш, и знамя унесли. Это было торжественно и преисполнило меня восторгом.

Однажды приехала с нами в лагерь тетя Оля (королева эллинов, Ольга Константиновна). Я помню, что мы куда-то шли и вышли на Красносельское шоссе. В это время проезжал на тройке великий князь Владимир Александрович с командиром Гвардейского корпуса князем Оболенским. Увидев тетю Олю, Владимир Александрович вышел из экипажа, стал перед ней на одно колено и поцеловал ей руку. Он любил такие шутки.

В 1900 году мой отец был назначен главным начальником военно-учебных заведений. Начался новый плодотворный период его жизни. Вступая на новое и крайне ответственное поприще, отец, следуя указаниям своего ума и сердца, поставил себе ясное задание: в военно-учащихся, решивших отдать свои силы на служение престолу и Родине, видеть прежде всего детей, нуждающихся не только в строгости, но и в моральной поддержке, в отечески благожелательных советах и указаниях. Надо было отбросить строго формальные с ними отношения, стать ближе к ним. Так отец и поступал. За свое пятнадцатилетнее пребывание во главе военно-учебных заведений он побывал во всех кадетских корпусах и училищах, разбросанных по разным углам России.

Благодаря своей исключительной памяти, отец легко запоминал фамилии кадет и юнкеров. Когда, гуляя, отец встречал кадета или юнкера, он или прямо называл его по фамилии, или клал ему на лоб руку и приказывал назвать первую букву своей фамилии. После этого он его называл, редко при этом ошибаясь. Юнкера и кадеты очень любили отца и до сих пор с благоговением чтут его память. В Париже, уже в эмиграции, один бывший кадет, магометанин, показал мне Коран, который подарил ему мой отец после того, как узнал, что он не читает

Корана. “Какой же ты магометанин, – сказал мой отец, – если ты не читаешь Корана!” Этот кадет так ценил подарок отца, что захватил его с собою, покидая родную землю.

Многое из поэтического наследства отца осталось еще в рукописях, неопубликованным, и обширные указания на это мы находим в переписке отца с его сестрой, где он откровенно говорит о “муках творчества” и где целый ряд страниц заполнен или стихами, еще не увидевшими света, или вариантами уже опубликованного.

Он не говорил с нами, детьми, о своих литературных работах. С нами он вообще мало говорил и никогда не делился своими литературными впечатлениями. Конечно, в этом была наша вина, так как никто из нас, кроме павшего смертью храбрых в 1914 году брата Олега, литературой не интересовался. С ним отец был, пожалуй, более близок, они больше понимали друг друга.

Когда на отца находило поэтическое настроение, он думал только о стихах и забывал об окружающем. Бывало, приедет в Академию наук, президентом которой он был, или в Главное управление военно-учебных заведений и, подъехав, не выходит из экипажа. Мысли его витают вне окружающего, в мире поэзии. Кучер Фома говорит ему: “Ваше императорское высочество, приехали!” Отец возвратится к действительности и выйдет из экипажа.

Венцом всего творчества отца была драма “Царь Иудейский” из земной жизни Иисуса Христа. Святейший Синод был против постановки этой возвышенной драмы, в которой сам Христос ни разу не появляется на сцене. Есть основание думать, что идея драмы подсказана была отцу Чайковским. В октябре 1889 г. Петр Ильич писал отцу об этой евангельской теме.

Такие светлые личности, какой был мой отец, встречаются не часто в жизни. Прошло почти сорок лет со дня его смерти, а его незабвенный образ стоит передо мной, как живой. Я чувствую, как мне не хватает его, и временами так хотелось бы пойти к нему и поговорить с ним “по душам”...

Глава II. 1887–1895. Ранние годы

Я родился в Павловском дворце, которым владел мой дед – Почему я не получил имя Андрей – Мой восприемник на крестинах Александр III – Караул шел не в ногу, чтобы не провалился пол – “Все те же лица, все те же рыла, а на подушке князь Гаврила” – Старшая няня Вава, Варвара Петровна Михайлова, “в должности англичанки” – Мой дядя показывает хвостик – “Русский немца побил”: я ударяю эрцгерцога по лицу – В Швейцарии после брюшного тифа – Братья Иоанн и Игорь – Сандро и Ксения в канаве.

В тридцати верстах к юго-западу от Петербурга, примыкая своим парком к Царскому Селу, стоит город Павловск. Он был известен дивным парком, вокзалом, в залах которого давались летом симфонические концерты, и великолепным дворцом. В этом дворце я и родился 3/15 июля 1887 г.

Дворец был построен в конце XVIII столетия великим князем, впоследствии императором Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной. Архитекторами были: Камерон, Кваренги, Данилов и Козлов. Устройство парка было поручено итальянскому декоратору Гонзаго.

В течение нескольких лет Гонзаго жил в Павловске. Каждое утро обходил он парк вместе со своим учеником Степаном Кувшинниковым, который нес по ведру белой и черной краски. Первой Гонзаго отмечал те деревья, которые нужно сохранить, а второй – которые нужно уничтожить. В результате получились те изумительные перспективы, которыми, как нигде, можно было любоваться в Павловске. Я никогда не видел такого великолепного парка и такого красивого по внутренней отделке дворца, как Павловский дворец. Это был настоящий музей – собрание картин, гобеленов, бронзы и вообще художественных вещей. Большевики переименовали Павловск в Слуцк.

По завещанию императрицы Марии Федоровны, жены императора Павла Петровича, Павловск перешел к ее младшему сыну, великому князю Михаилу Павловичу. Так как он не имел сыновей, то после его смерти, в 1849 году, Павловск перешел к моему деду, великому князю Константину Николаевичу, и его мужскому потомству и оставался в нашем роде до революции, во время которой мы потеряли все наше движимое и недвижимое имущество. Когда я родился, владельцем Павловска был мой дед.

Отец хотел назвать меня Андреем и, как полагалось в императорской фамилии, должен был испросить на это разрешение императора Александра III. Но государь ответил, что в императорском семействе есть уже Андрей – великий князь Андрей Владимирович. Тогда меня назвали Гавриилом и дали уменьшительно – Гаврилушка.

Я впервые увидел свет в большой спальне моей прапрабабки императрицы Марии Федоровны, жены императора Павла. Комната была в первом этаже, окна ее выходили в детский садик. Сразу же после рождения я попал на руки нянюшке Ате, Анне Александровне Беляевой, по профессии акушерке. Отец ее был когда-то богатым купцом, а мать – дворянкой. Двоюродный брат Ати, Ф.Н. Есаулов, был офицером лейб-гвардии Измайловского полка, контуженным в русско-турецкую войну.

Няня Атя много рассказывала мне про мое детство. Кое-что из ее рассказов я записал, кое-что помню сам.

Меня крестили 27 июля в день св. Великомученика и Целителя Пантелеймона. По обычаю того времени, крестины были торжественные в присутствии государя Александра III, государыни, всей императорской фамилии и двора. Моими восприемниками у купели были император Александр III и моя бабушка, великая княгиня Александра Иосифовна, кроме того были записаны крестными: дядя великий князь Дмитрий Константинович, тетя великая княгиня

Вера Константиновна герцогиня Виртембергская, моя прабабушка, вдовствующая герцогиня Мария Саксен-Мейнингенская, бабушка принцесса Августа Саксен-Альтенбургская, ее брат герцог Георгий Саксен-Мейнингенский и принц Георгий Шаумбург-Липпе. Несли меня в церковь в торжественном шествии с государем и государыней во главе. Я – как рассказывала няня Атя – лежал на парчовой подушке, покрытый золотым покрывалом, отороченным горностаем, на руках гофмейстерины моей бабушки – Анны Егоровны Комаровской. По бокам подушки шли два ассистента: состоявший при моем отце флигель-адъютант капитан 1-го ранга Илья Александрович Зеленой и состоявший в должности шталмейстера двора моего деда – Иван Алексеевич Грейг.

В Греческом зале дворца, по которому проходило шествие, стоял почетный караул от государственной роты лейб-гвардии Измайловского полка, командиром которой в то время был мой отец.

Когда караул строился в зале, ему было приказано идти не в ногу, так как боялись, что провалится пол. В его прочности настолько сомневались, что даже колонны зала поддерживались особыми крюками, укрепленными на чердаке, и только казалось, что они опираются в пол.

После погружения в купель меня положили на пеленальный стол, который был поставлен тут же, в церкви, за ширмами. Там на меня надели серебряное платье “декольте”, со шлейфом и кружевами, и серебряный чепчик, также с кружевами и голубыми лентами. Государю подали кружевную подушку и положили меня на нее. Певчие придворной капеллы пели все время вполголоса, чтобы не испугать меня. Но когда, за молебном после крестин, они запели “Тебе Бога хвалим” Бортнянского, то дали волю своим голосам. Такова была традиция при дворе.

После крестин меня причащал митрополит Петербургский и Ладужский Исидор. К причастию меня поднесли бабушка и дяденька великий князь Дмитрий Константинович.

И.А. Грейг писал юмористические стихи на разные случаи. Описал он в стихах и крестины моего старшего брата, и мои, и нашего двоюродного брата Христофора Греческого. Я помню несколько строк из описания моих крестин: “Все те же лица, те же рыла, а на подушке – князь Гаврила”. “Все те же лица” – потому что за год до моих крестин были крестины моего старшего брата Иоанна, на которых были те же лица, как и на моих. Графиня А.Е. Комаровская приняла выражение “те же рыла” на свой счет (она была очень некрасива) и обиделась.

Старшей няней была у нас Вава – как мы звали Варвару Петровну Михайлову. В свое время она нянчила отца и моих дядей, затем жила на пенсии в Мраморном дворце. Вся семья наша ее очень любила. Когда родился Иоанчик, так звали моего старшего брата, отец просил Ваву быть при нем. Вава была дочерью камердинера моего деда и воспитывалась в Смольном институте, на Александровской половине. Когда Вава поступила к отцу, она числилась “в должности англичанки”, так как по штату занимала место, предназначавшееся английской няне. У Вавы было много сестер и, как это ни странно, две из них носили одно и то же имя Марии.

Няня Вава помнила императора Николая I, моего прадеда, на смертном одре. Он лежал в своей небольшой и скромно обставленной комнате на антресолях Зимнего дворца, на походной постели, покрытый офицерской серой шинелью, которая ему служила вместо одеяла. Ваву водили к нему прощаться. Она мне рассказывала, что и на смертном одре у императора Николая I “грудь была колесом”, как и при жизни.

В годы моего раннего детства наша семья проводила зиму в Петербурге, в Мраморном дворце, а лето – в Павловске или Стрельне. Из Петербурга мы уезжали в мае и возвращались поздней осенью.

В Мраморном дворце мы с братом Иоанчиком помещались в одной и той же детской, устроенной и украшенной в русском стиле. Все наши комнаты носили тоже русские названия: опочивальня, гуляльня, мыльная (ванна). В гуляльне окна располагались ниже пола и между окнами и полом были устроены решетки, перед которыми стояли растения.

В углу гуляльни висел большой образ Владимирской Божьей Матери, а на нем полотенце, расшитое разноцветными шелками и золотом, на концах обшитое старинными кружевами. Перед образом всегда теплилась большая лампада.

Часов в восемь утра нянюшки водили нас здороваться с отцом, а в десять часов мы ходили здороваться с матушкой. В это время она пила кофе у себя в уборной, одетая в свой неизменный красный халатик. Мне всегда приятно было смотреть, как она аппетитно ест яйца. Запомнил я также и ее красивый кофейный сервиз, серебряный, но темно-бронзового цвета.

Нас с Иоанчиком водили гулять в Таврический сад. Мы проходили через Таврический дворец, когда-то дворец Потемкина, предоставленный впоследствии Государственной Думе. Когда я еще был слишком мал, чтобы ходить, меня возили в коляске в виде серебряного лебедя, в которой возили еще отца, его сестер и братьев. Наш лакей Рябинин вез коляску, Атя шла рядом, а Иоанчика вела за руку Вава. Так торжественно пригуливались мы по аллеям, по которым когда-то гуляла Екатерина Великая с Потемкиным.

Нашего кучера звали Яковлев. Он был с русой бородой. Каждый день, садясь в экипаж, мы громко здоровались с ним. Старший брат говорил: “Здравствуй, Якуку, как ты поживаешь, как здоровье твоей жены и твоих детей?”

На вопрос Яковлева, куда везти, Иоанчик неизменно отвечал: “В Таврический сад!” А я любил ездить мимо памятника императору Николаю I, на Мариинской площади, и называл его “Каляй Палич”. Много лет спустя, в Стрельне, к нам как-то вошел лакей Анисимов и доложил, что Яковлев “приказал долго жить”. Анисимов именно так и сказал: “долго жить”. Это нас очень опечалило.

Зимой мы носили бархатные пальто, похожие на боярские кафтаны, отороченные соболем, собольи шапки с бархатным верхом, гамаши и варежки на резинке, малинового цвета. Наши пальто были очень красивы и передавались от старших – младшим.

Каждый день перед тем, как нас укладывали спать, к нам приходил дядя Дмитрий Константинович, младший брат отца. Он тоже жил в Мраморном дворце и служил в то время в Конной гвардии. Мы очень любили дяденьку, бежали к нему навстречу и бросались на шею. Дяденька любил иногда шутить над нами. Показывая Иоанчику конец ремня, которым он затягивал рейтузы, говорил, что это – его хвост. При этом Иоанчик чуть не плакал, страшно боясь этого “хвоста”. Он был вообще очень нервный ребенок, боялся шкуры белого медведя с большой головой, лежавшей в приемном кабинете отца, и плакал, когда его к ней подводили.

Нас часто водили в Дворцовую церковь и причащали.

Нередко родители приводили к нам в детскую родственников, знакомых, среди которых бывали старые камер-фрейлины николаевских времен и сослуживцы отца по Измайловскому полку. Нередко звали нас к родителям, чтобы показать гостям, и часто – к бабушке Александре Иосифовне, которую мы звали “Анмама”, а дедушку – “Анпапа”. Она нас ласкала и шутила с нами, а однажды позвала нас, чтобы показать приехавшему из-за границы родственнику, какому-то австрийскому эрцгерцогу. Меня и Иоанчика нарядили в кружевные платьяца с широкими голубыми кушаками и лентами, и в назначенный час мы явились. Эрцгерцог подошел ко мне и хотел, чтобы я подал ему ручку, а я в это время рассматривал многочисленные бабушкины безделушки, которыми была полна ее гостиная. Эрцгерцог несколько раз обращался ко мне по-немецки, но безрезультатно. В то время по-немецки я еще не говорил, да и был всецело поглощен рассматриванием безделушек. В конце концов я рассердился и ударил эрцгерцога по лицу. Можно себе представить, какой произошел скандал: бабушка меня немедленно выгнала. Тут же присутствовавшая подруга ее детства, баронесса Роткирх, привела меня в дежурную, в которой сидели бабушкины “комнатные женщины” и наши “нянюшки”, и сказала на своем ломаном русском языке: “Русский немца побил”. В тот же день вечером пришел как всегда в детскую отец и, посмотрев на Ваву с хитрым видом, повторил те же слова: “Рус-

ский немца побить”. Но матушка была очень недовольна моим поведением и, придя вечером к нам, высказала неудовольствие няням.

После этого случая я долго был в немилости у бабушки и она не звала меня к себе. Приходил ее камердинер и докладывал: “Ее императорское высочество великая княгиня Александра Иосифовна приглашают к себе его высочество князя Иоанна Константиновича с Варварой Петровной”. Иоанчик и Вава уходили к бабушке, а я оставался с Атей.

11 января 1890 года, накануне Татьянина дня, родилась моя старшая сестра Татьяна, а в ноябре того же года я заболел брюшным тифом.

Только к Рождеству я начал поправляться, хотя все еще лежал. Родители сделали мне елку в одной из бабушкиных комнат, меня привезли в кресле на колесах, и отец подарил мне свой морской палаш, чем доставил мне громадное удовольствие. В январе были торжественные крестины моего только что родившегося брата Константина. К этому дню я настолько уже поправился, что ходил по комнате в малиновом халатике и красной феске, потому что мне остригли волосы. После крестин ко мне зашли император Александр III и императрица Мария Федоровна. Я до сих пор помню их стоящими в дверях между столовой и моей комнатой. Я вынул висевшую у меня через плечо игрушечную шапку. Государь спросил меня: “Кто ты такой?” Я ответил: “Турка”.

Когда заходил ко мне отец, он часто говорил, глядя на саксонскую люстру с фруктами и ананасом: “Ананас не для вас, вишни для вас лишни”. Я был на строжайшей диете. После брюшного тифа мое здоровье навсегда осталось слабым.

Чтобы дать мне окончательно поправиться, меня решили послать и Швейцарию, в Веве. Со мной и Иоанчиком поехала и матушка. Нас сопровождали: Атя, матушкина камер-фрау Изабелла Карловна Грюнберг (которую мы называли Беблас), детский врач Дмитрий Александрович Соколов, лакей Рябинин и повар Брюхоиенко, который готовил мне специальные блюда. Мы ехали в отдельном вагоне, с кухней.

По пути к нам присоединились матушкины родители: принц Маврикий и принцесса Августа Саксен-Альтенбургские, мы их называли “Опапа” и “Омама”. Я слышал от матушки, что дедушка Маврикий, который со стороны моей матери был правнуком императора Павла I, и великий князь Николай Николаевич Старший, который был его внуком, были очень похожи друг на друга. В эти годы мы все еще говорили только по-русски, а дедушка и бабушка не знали русского языка, но все же мы с ними как-то объяснялись. Веве принесло нам большую пользу, и в июне мы вернулись восвояси.

Иоанчик и я подрастали, и родители решили, что пора, чтобы подле нас был мужчина, а не один только женский элемент. К нам поступил студент-медик, окончивший Духовную академию и прислуживавший в церкви Мраморного дворца. Я назову его Тинтином, как называла его наша матушка. Когда Тинтин пришел к нам в первый раз, Иоанчик попросил его, чтобы он рассказал ему “сказку про молебен”.

Тинтин ходил с нами гулять и играл с нами. Кажется, это он научил нас читать и писать, а также и арифметике. Бабушка же возмущалась, что к нам поступил “псаломщик”.

Весной 1892 г. нас для укрепления здоровья отправили в Афины, к королеве Ольге, нашей любимой тете Оле. Мы приехали к ней в Страстную Субботу и попали в объятия громадной королевской семьи. Наши двоюродные братья были уже взрослыми, кроме Андрея, которому было 11 лет, и Христофора, который был на год моложе меня. Мы прожили в Афинах четыре недели, проводя все время на воздухе; нас возили на берег моря, в Фалеро, где был хороший пляж. Там мы бегали по песку и собирали ракушки. Мужа тети Оли, короля Георга I, мы называли дядя Вилли. Он был лысый, с большими усами, и однажды, во время завтрака, когда за столом было много народу, Иоанчик вдруг расшалился и хлопнул греческого короля по лысине. Это ему даром не прошло, и он был строго наказан.

В мае мы со всей королевской семьей пошли на королевской яхте “Сфактерия” в Венецию, где задержались на несколько дней и, расставшись с греческими родственниками, поехали в Виши, где лечился наш отец, а затем – в Париж. Как раз перед тем отец, по приказанию императора Александра III, ездил в Нанси на свидание с президентом Французской республики Сади Карно. Французы из этого свидания сделали большой шум и впоследствии отец говорил мне, что император Александр III остался этим недоволен. Очевидно, государь хотел, чтобы свидание отца с президентом прошло менее заметно. Отец предвидел, что при нашем проезде через Нанси его там будут опять чествовать, и решил проехать Нанси незаметно. Поэтому по дороге мы вышли из поезда и поехали на лошадях. Но на вокзале Нанси отца все же узнали и студенты устроили овацию, забросав нас цветами. Нам приказали завесить окна вагона, но отец был вынужден показаться толпе и раскланяться. Ему это было очень неприятно, он знал, что строгий император Александр III будет недоволен, но ничего не мог поделать.

Посетив родину Орлеанской Девы, Домреми, погостив в Альтенбурге у “Опапа” и “Омама”, мы через Вержболово вернулись в Россию.

15 ноября 1892 года родился брат Олег. Это радостное известие застало нас играющими в бильярдной; мы сейчас же надели наши игрушечные шашки и побежали вниз, к родителям. В большой гостиной мы застали духовника нашего отца, священника Арсения Двукраева, приехавшего дать молитву Олегу. Это был седой старик в золотых очках, выглядел он очень строгим, и я его побаивался. Когда мы входили в гостиную, он стоял перед большой картиной Распятия испанской школы и внимательно ее разглядывал. Увидя нас, он нас благословил и велел нам почаще смотреть на эту картину.

Перед тем как войти к матушке, нам приказали снять шашки. Мы вошли в спальню вместе с отцом Арсением. Как сейчас, я вижу матушку, лежащую в постели, и отца Арсения с Олегом на руках, читающего молитву перед киотом, освещенным лампадой. Я же стою подле постели и рассматриваю только что мне подаренную английскую книгу с картинками, изображающими английские войска.

Следующим ребенком моих родителей был брат Игорь, родившийся в 1894 г. Весной, перед его рождением, случился пожар в Стрельне в детской, в которой жили Татиана, Костя и Олег. Подняла тревогу подняня Паша, слава Богу, детей вовремя вынесли. Пожар произошел от керосиновой лампы, прогорел потолок детской. Когда родился Игорь, отец пришел в нашу большую спальню объявить нам об этом. Он был в белом кителе: когда матушка рожала, он всегда надевал белый китель. Он послал к государю своего шталмейстера, барона П.А. Рауш фон Траубенберга, известить его о рождении Игоря. Когда Рауш ждал приема в коттедже в Александрии, попугай, находившийся по соседству, повторял: “Кончено! Кончено!” Это произвело на Рауша очень неприятное впечатление, потому что в то время было известно, что государь серьезно болен.

Государь Александр III иногда приезжал в Стрельну к бабушке, которой он очень благоволил. Я помню, как-то раз он приехал на линейке, на которой сидят друг к другу спиной. Линейка была запряжена четверкой цугом, с фореитерами, одетыми наподобие французских кучеров почтовых дилижансов, в низких цилиндрах, зеленых с красным куртках и ботфортах. С государем и государыней приехало много родственников, съехавшихся на свадьбу великой княгини Ксении Александровны. Тут была сестра государыни Марии Федоровны, принцесса Валлийская (впоследствии английская королева Александра) с дочерьми Викторией и Мод и наши греческие родственники, а также и Ольга и Миша (сестра и брат будущего государя Николая II). Бабушка их принимала в своей большой розовой гостиной. Статуэтки, зайчики и собачки, украшавшие комнату, – все было выкрашено в розовый цвет, бабушка его очень любила. Она сидела в гостиной, в соломенной будке, такой, какие ставят в садах. Императрица сидела против нее, в такой же будке; молодежь, приехавшая с их величествами, была очень весело настроена.

Свадьба великой княгини Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем состоялась летом 1894 г. в Петергофе. Нас с братом на свадьбу не взяли: нас держали очень строго и считали слишком маленькими, чтобы возить на такие торжества. Мы смотрели, как наши родители уезжали из Стрельны на свадьбу. Матушка была в русском платье, то есть в сарафане-декольте, с длинным шлейфом, а отец – в флигель-адъютантском мундире, Александровской ленте и с Андреевской цепью. Самый орден Андрея Первозванного, висевший на цепи, и Андреевская звезда были усыпаны бриллиантами.

На свадьбе произошел забавный случай: после венчания был момент, когда семейство отдыхало. Великий князь Михаил Николаевич сел в кресло и заснул, а великий князь Павел Александрович и дяденька стали подле него изображать служение благодарственного молебна: дядя Павел за священника, а дяденька – за диакона. Они вообще любили изображать богослужение. Когда они дошли до слов Евангелия, Михаил Николаевич вдруг проснулся и, думая, что он присутствует на богослужении, перекрестился. Затем, придя в себя, он рассердился и, плюнув, крикнул: “Тьфу, дураки!” Этот случай рассказал мне бедный дядя Павел во время одной из наших прогулок по тюремному двору, в августе 1918 года, в Доме предварительного заключения.

Вечером в день свадьбы, когда Александр Михайлович и Ксения Александровна ехали на тройке в Ропшу и переезжали по мосту через канавку, близ Ропшинского дворца, лошади испугались людей, стоявших по сторонам дороги с зажженными факелами. Экипаж опрокинулся на мосту, и они оказались в грязной канаве. В ужасном виде, совершенно грязные, они пришли во дворец, где их встречал с хлебом-солью главноуправляющий Уделами князь Вяземский.

На нас, детей, этот случай произвел большое впечатление. Во время прогулок по Стрельнинскому парку наш двоюродный брат Христофор Греческий очень любил его изображать. Он нам говорил: “Иоанчик, Гаврилушка, хотите посмотреть, как Сандро и Ксения упали в канаву?” – и бежал вдоль канавки, окаймляющей дорожку, по которой мы шли, и вдруг падал в нее. Крики его гувернантки, мисс Лонг, не помогали. Наш милый шалун вылезал из канавы весь в грязи к неопишуемому ее ужасу.

21 октября утром, когда мы одевались, вошла к нам в уборную Атя и сказала, что государь Александр III скончался. В этот же день праздновалось вступление на престол императора Николая II, и поэтому траур был снят. Родители наши экстренно вернулись из-за границы. В эти же дни я вижу себя разговаривающим в комнатах бабушки с королевичем Георгием Греческим, приехавшим на похороны государя. Он был в русском морском сюртуке, с медалью за спасение погибающих – это он спас наследника Николая Александровича, когда в Японии на того напал японский фанатик и нанес ему саблей удар по голове.

В день похорон императора Александра III мы пошли в Мраморный зал, окна которого выходили на крепость. На набережной, перед нашим дворцом, были выстроены войска, которые дали несколько залпов, когда тело царя опускали в могилу. Я помню, как молодой государь, вместе с великим князем Михаилом Александровичем, проехал мимо Мраморного, возвращаясь с похорон. Наш отец как командующий Преображенским полком дежурил у гроба государя в день его похорон и оставался на своем посту до тех пор, пока не заделали царскую могилу.

Глава III. 1896. Коронация в Москве

12 мая 1896 года мы с Иоанчиком и обоими нашими воспитателями поехали в Москву на коронацию. Эта поездка была полнейшим для нас сюрпризом. Нам объявили о ней перед самым отъездом. Я так обрадовался, что стал кататься по песку на дворе Стрельнинского дворца, в котором мы тогда жили. В Москве на вокзале нас встретили родители и дяденька. Прямо с вокзала родители повезли нас в часовню Иверской Божией Матери, приложиться к чудотворной иконе. Нас поместили в Потешном дворце, в котором жили родители, бабушка и дяденька.

Потешный дворец с давних времен предоставлялся нашей семье всякий раз, когда она приезжала в Москву. Он был в русском стиле, с зелеными стенами. Наша комната выходила непосредственно на широкую кремлевскую стену, с которой был чудный вид на Москву. Мы с дяденькой гуляли по этой стене.

Первый день нашего приезда был посвящен осмотру Москвы и наблюдением за тем, как приготавлилась коронация. Мы смотрели, как переносили царские регалии из Оружейной палаты в Кремлевский дворец. Это было очень красивое зрелище: на подушках несли корону, скипетр, державу и прочие регалии; шли герольды в золотых костюмах и в больших круглых шляпах с перьями и дворцовые гренадеры.

Возвращаясь, мы встретили нашего отца под руку с великим герцогом Карлом-Александром Саксен-Веймарским, двоюродным братом нашего деда. Он был в сюртуке Ингерманландских драгун, шефом которых состоял. Ему было семьдесят восемь лет. Он родился в один год с императором Александром II. У него были небольшие усы, которые он красил. Когда он целовался, на щеке оставался след от поцелуя. Однажды, где-то за границей, он встречал на станции мою бабушку Александру Иосифовну, которая держала на руках собачку. Когда он намеревался ее поцеловать, бабушка подставила ему вместо щеки – собачку, которую он и чмокнул.

Карл-Александр помнил Гёте на смертном одре и прекрасно говорил на изысканном французском языке начала XIX столетия, как говорили наши деды. Я слышал, что при его посредстве император Александр II примирился с императором Францем-Иосифом, которого он не желал видеть за неблагородную роль, какую сыграла Австрия во время севастопольской кампании.

Но я отвлекся. Москва произвела на меня большое впечатление, в особенности Кремль, окруженный стеною с башнями, с его соборами и святынями. Погода стояла прекрасная. Москва была торжественна и сияла в ожидании коронационных торжеств.

Следующий день после нашего приезда был день коронования их величеств. Нас разбудили рано; солнце сияло. Слышна была военная музыка. Нас одели в белые матросские костюмы и отвели в Успенский собор, в особое помещение. Там мы ждали с бабушкой начала церемонии. Тут же с нами находились гофмейстера бабушки графиня А.Е. Комаровская, управляющий двором бабушки П.Е. Кеппен, камер-паж и камеристка.

Бабушка приехала в собор в парадной карете, голубой с золотом, цугом, с фореиторами и двумя лакеями на запятках. Бабушка была в русском платье из серебряной парчи и с дивными драгоценностями. Она просила разрешения их величеств не быть в декольте, боясь простуды, и потому корсаж ее платья был закрытый.

В соборе были отведены места для всех приглашенных и приготовлено особое место для государя и государынь, против алтаря, на возвышении, к которому вела большая, широкая лестница.

Я стоял рядом с княгиней Анастасией Николаевной Романовской герцогиней Лейхтенбергской вместе с Иоанчиком и Сандро Лейхтенбергским. Мы прекрасно видели всю церемонию, императрица Мария Федоровна в бриллиантовой короне, золотой порфире и в брил-

лиантовой Андреевской цепи вошла в собор прежде государя. Она встала с правой стороны возвышения, перед своим троном. После нее вошли в собор государь и государыня.

Государь был в Преображенском мундире и лакированных сапогах, чего он обыкновенно не делал, а носил всегда простые, шагреновые. Государыня была в парчовом серебряном русском платье. Они тоже встали перед своими тронами.

Начался чин коронования. Он проходил с исключительной торжественностью. Красота была во всем и затмевала всё, что мне когда-нибудь приходилось видеть. Успенский собор, свидетель нескольких веков русской истории, в котором венчались на царство все цари из Дома Романовых; сонм духовенства в великолепных облачениях, с митрополитами во главе; чудное пение – все это придавало торжеству глубокомистический характер.

Великие княгини и иностранные принцессы в роскошных платьях и драгоценностях; великие князья и иностранные принцы в самых разнообразных мундирах, придворные дамы и кавалеры – живописная толпа, окружавшая царя и цариц, – все было красиво и величественно.

Государь сам, как Самодержец Всероссийский, возложил на себя корону и короновал императрицу, вставшую перед ним на колени. Государь прочел “Символ Веры” громким и ясным голосом. Было очень трогательно, когда государь читал молитвы, которые читают государи по чину коронования. При этом одну молитву государь читал стоя, а все присутствующие стояли на коленях, а другую государь читал коленопреклоненно, а присутствующие стояли. По окончании чина коронования всё семейство поднялось по лестнице на возвышение, на котором стояли царь и царица, чтобы принести им поздравления. Мы шли за матушкой. Матушка поцеловала руку государю, чего мы обыкновенно не делали, а на меня, восьмилетнего, нашло какое-то особенное состояние, и я не поцеловал государю руку. Стыдно вспомнить!

После чина коронования началась литургия, во время которой, после причащения священнослужителей, над государем было совершено таинство миропомазания. Раскрылись Царские Врата, к солее приблизился государь император, и один из архиереев в сонме священнослужителей обратился к нему со следующими словами:

– Благочестивейший великий государь наш, император и самодержец всероссийский! Вашего императорского величества миропомазания и святых Божественных Тайн приобщения приблизится время: того ради да благоволит ваше императорское величество шествовать сея Великие Соборные Церкви к Царским Вратам.

Затем последовало миропомазание и вхождение государя через Царские Врата к Престолу для св. Причащения по священническому чину. При совершении миропомазания помазывают миром также и грудь. Для этого у государя было сделано на груди мундира отверстие с клапаном. На следующий день, когда мы осматривали Оружейную Палату, нам показали этот мундир, и мы видели вырез на груди мундира с клапаном, чтобы этот вырез прикрыть. Мундир уже висел среди других, в которых короновались прежние императоры. Между прочим, Александр III долго не хотел посылать своего мундира в палату и носил его и после коронации. Это было заметно по его изношенности.

Вся служба в соборе продолжалась часа три, если не больше. Бабушка уходила отдыхать в помещение, в котором мы с ней ожидали начала церемонии. По окончании обедни государь с государыней пошли прикладываться к мощам в Архангельском и Благовещенском соборах. Над ними генерал-адъютанты несли золотой балдахин со страусовыми перьями. Все вышли из собора. Я был в отчаянии, потому что не знал, куда идти. Наши воспитатели остались снаружи собора, в выходе нам не полагалось участвовать. Мы пошли за торжественным шествием, состоявшим из высочайших особ, которое двигалось к Красному Крыльцу по мосткам, покрытым красным ковром; вдоль мостков стояли конногвардейцы в золотых касках с золотыми орлами, в супервестах, ботфортах и лосинах. Мы шли самые последние, втроем: Иоанчик, Сандро Лейхтенбергский и я. Я страшно боялся потеряться и долго не мог забыть этого кошмарного чувства. Часто потом этот случай виделся мне во сне.

Шествие вошло на Красное Крыльцо и повернуло направо в залы. Тут заметил нас отец и вернул на Красное Крыльцо, где собрались великие князья. С Крыльца прекрасно видна была вся площадь между соборами, сплошь усеянная народом. Там же были сделаны и трибуны для публики, и отдельная трибуна для придворных музыкантов, одетых в красную форму и игравших на очень длинных и прямых трубах. Каждая труба издавала только один звук. Великий князь Николай Николаевич посадил меня себе на ногу, подле перил балкона, на котором мы стояли. Мы видели, как государь и государыня шли под балдахином по площади, по мосткам, и поднялись, обойдя соборы, на Красное Крыльцо. С Крыльца они отвесили глубокие поклоны стоявшей внизу толпе. Они поклонились три раза подряд: прямо перед собой, направо и налево. До сих пор помню склоненные головы государя и государыни, увенчанные коронами, громовое “ура” толпы и звуки гимна.

После нашего завтрака мы пошли смотреть на Высочайший завтрак в Грановитой Палате. Мы смотрели сверху, из окон тайника, из которого в допетровские времена смотрели царицы и царевны на царские пиры.

Государь и государыни сидели втроем за столом у стены, на возвышении, государь посередине, а императрицы справа и слева от него. Государь был в порфире без короны, а государыни в порфирах и коронах. Я помню, что государь ел спаржу руками. Царю и царицам подавали блюда придворные чины, а рядом с ними шли кавалергардские офицеры в касках и с вынутыми палашами. Возвращаясь, они шли пятясь, чтобы не поворачивать спин их величествам.

В палате за столами сидели высшие государственные чины и дипломатический корпус.

Вместе с нами смотрели сверху великие князья и принцы. Среди них был толстый эмир Бухарский и высокий худой хан Хивинский. Они оба были в чалмах и халатах.

Вечером мы с родителями поехали на иллюминацию. Она была замечательна. По улицам ходили толпы народа, так что мы в ландо с трудом шагом продвигались вперед. Толпа окружала нас вплотную. Какой-то человек рядом с нами, сняв шапку, крикнул: “Ура! Сергей Александрович!” – видимо, приняв отца за великого князя Сергея Александровича. Толпа непрерывно кричала “ура!”. Когда мы вернулись домой, у меня в ушах стояло “Боже, царя храни” и “ура”, которые мы слышали весь день, с самого утра.

На следующий день мы снова осматривали достопримечательности Москвы и вечером уехали обратно, в Стрельну. Трехдневное пребывание в Москве произвело на меня неизгладимое впечатление.

На коронации отец был награжден орденом Владимира 3-й степени, а дяденька произведен в генерал-майоры. Дяденька любил нам рассказывать из прошлого. Так, рассказывая о коронации императора Александра III, он вспоминал, что, во время торжественного въезда государя в Москву, сам он ехал перед взводом конной гвардии, как раз перед государем. Проезжая Спасские ворота в Кремле, где все снимают шапки, он каски не снял, потому что в правой руке держал обнаженный палаш, а в левой – повод.

Это был единственный в его жизни случай, когда он не снял головного убора в Спасских воротах.

Глава IV. 1897. Парады

В конногвардейском манеже – На Марсовом поле

25 марта 1897 года нас с Иоанчиком в первый раз в жизни повезли на парад конной гвардии по случаю ее полкового праздника. Это было для нас совершенной неожиданностью.

Утром, как всегда, мы гуляли с нашим воспитателем, лейтенантом Михайловым, ничего не подозревая. Мы встретили на Дворцовой площади ехавший в Зимний дворец за штандартом взвод конной гвардии в парадной форме, в кирасах и в касках с орлами. Я мечтал попасть на парад, но не смел надеяться, что нас возьмут. Когда мы пришли домой, нам сказали, что мы на парад едем. Мы были на седьмом небе от восторга. Мы поехали с лейтенантом Михайловым в Конногвардейский манеж и вошли в ложу, приготовленную для императриц, великих княгинь и полковых дам. Ложа была украшена коврами и растениями.

Полк в пешем строю, в белых мундирах и в золотых касках с золотыми орлами, занимал три стены манежа. Перед серединою полка, в глубине манежа, напротив входа, были выстроены в одну шеренгу, украшенные медалями, вахмистры с полковыми штандартами. Перед трубами стоял старик литаврщик, сверхсрочный Никифоров, с белой бородой и в белом мундире, расшитом золотыми позументами с кистями и в генеральских эполетах. Такую форму носили только литаврщики гвардейских кирасирских полков. Он служил в конной гвардии со времен императора Николая I и считался реликвией полка. Посредине манежа стоял аналой и около него полковой причт с протопресвитером военного и морского духовенства Желобовским во главе. Тут же стояли полковые певчие в белых конногвардейских фуражках и в синих кафтанах с красными рукавами, закинутыми за спину, с золотыми галунами. Такие кафтаны, похожие на польские кунтуши, носили все полковые певчие. Они отличались лишь расцветкой.

В манеже было много офицеров, представителей разных полков и прежде служивших в конной гвардии. В ложах сидела публика. Когда приезжали начальники, старый сверхсрочный квартирмейстерский вахмистр Антонович, стоявший у входа в манеж, выкрикивал, кто приезжает. Так, когда приехал великий князь Владимир Александрович, он выкрикнул: “Его императорское высочество августейший главнокомандующий Войск гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович изволят еха-ать!” Командир полка, князь Одоевский-Маслов, генерал с седеющей бородой, скомандовал: “Полк смирно, палаши вон!” Палаши блеснули в воздухе, а трубачи заиграли полковой марш. Командир с палашем “под высь” пошел навстречу главнокомандующему, остановился перед ним и, опустив палаш, отпартовал.

Владимир Александрович в кавалергардском мундире, в каске с серебряным орлом зычным голосом поздоровался с полком и поздравил его с полковым праздником, после чего начал обходить полк. Обойдя первый эскадрон, он приказал ему вложить палаши в ножны. Так он приказывал всем четырем эскадронам. Делал он это нарочно, чтобы не утомлять солдат держанием тяжелых палашей.

После Владимира Александровича приехал великий князь Михаил Николаевич. Глашатай крикнул: “Его императорское высочество генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич изволят еха-ать!” Опять та же команда, трубачи снова заиграли полковой марш, и командир подошел к приехавшему с рапортом. Михаил Николаевич, маститый старик высокого роста с седой бородой, в конногренадерском мундире и каске с черным волосяным плюмажем и с красной лопастью позади, поздоровался с полком и поздравил его с праздником, но не обходил полка.

Начальники становились на правый фланг полка, а именно: военный министр генерал Куропаткин, главнокомандующий великий князь Владимир Александрович, генерал-инспек-

тор кавалерии великий князь Николай Николаевич. Последний был такого высокого роста, что его султан из эспри доходил до барьера ложи с публикой, под которой он стоял. Левее его находился бывший командир конной гвардии, начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии великий князь Павел Александрович, а рядом с ним – бригадный командир.

Наконец, раздался выкрик: “Его императорское величество государь император изволит еха-ать!” Командир скомандовал: “Полк смирно, палаши вон!” Вдали, в подманежнике, раздался голоса конногвардейцев, отвечавших на приветствие государя. Манеж замер в ожидании царя. Но вот отворились ворота манежа и показался молодой государь в конногвардейской форме в сопровождении своего младшего брата великого князя Михаила Александровича.

В это же время императрица вошла в нашу ложу. Я не помню, приехала ли также императрица Мария Федоровна, или была только одна императрица Александра Федоровна. Командир полка скомандовал: “Слушай на караул!” – и пошел к государю с рапортом. Трубачи заиграли гвардейский поход, торжественные и величественные звуки которого наполнили манеж.

Отрапортовав государю, командир взял палаш в левую руку, а правой подал государю рапортичку, которую государь тут же передал дежурному генерал-адъютанту, тот в свою очередь передал ее дежурному свиты генералу, а последний – дежурному флигель-адъютанту.

Государь подал руку командиру, подошел к стоявшим на правом фланге полка и тоже с ними поздоровался. После этого он подошел к трубачам и отмахнул им. Трубачи замолчали. Государь с ними поздоровался и поздравил с праздником; после этого начал обходить полк и с ним поздоровался: “Здорово, конная гвардия!” – Полк громко и ясно, слегка растягивая, ответил: “Здравия желаем, ваше императорское величество!” – “Поздравляю вас с полковым праздником!” – крикнул государь. “Покорно благодарим, ваше императорское величество!” – ответил полк и тотчас же весь закричал “ура”, а трубачи заиграли “Боже, царя храни”.

За государем шла большая свита. Обойдя полк, государь стал посреди манежа. Трубачи сыграли “На молитву”, и полковой адъютант подвел штандарты к аналою. По команде командира полк снял каски на молитву и начался молебен. Государь стоял на ковре перед аналоем, а за ним великие князья. Я помню среди них 18-летнего Андрея Владимировича в кавалергардском мундире.

По окончании молебна протопресвитер Желобовский окропил штандарты святой водой, а затем обошел полк, тоже кропя его святой водой. Государь с великими князьями и начальством шел за ним. Я обратил внимание на то, что, когда государю кадили во время молебна, он кланялся, наклоня только голову, а не голову и корпус, как делает большинство молящихся. Михаил Александрович делал так же.

По команде трубачи сыграли “отбой”, полк надел каски, штандарты стали перед полком, и начался церемониальный марш. Полк проходил дважды мимо царя, по полуэскадронно и справа по шести, и оба раза удостоился царского “спасибо”.

Я помню среди офицеров полка графа Комаровского, племянника уже упомянутой А.Е. Комаровской. Он был потрясающе некрасив и громадного роста. Он имел обыкновение гулять по Морской улице, причем его палаш волочился по тротуару, а изо рта торчала большая сигара. Говорили, что нянюшки пугали им детей, но мы с Иоанчиком его очень любили.

Во время прохождения справа по шести государь переменил место и стал по другую сторону проходивших, чтобы быть со стороны офицеров, которые шли с левого фланга. По окончании церемониального марша государь выпил за здоровье полка чарку вина и принял рапорт вахмистра лейб-эскадрона. Парад кончился, полк вышел из манежа и разошелся по казармам. Государь и все бывшие в манеже вышли на двор, чтобы присутствовать при передаче первым взводом лейб-эскадрона штандартов конному взводу, для отвоза их обратно в Зимний дворец и Благовещенский собор. Эта церемония всегда происходила на площадке между манежем и эскадронным флигелем.

Мы на двор не пошли, а поехали домой и побежали к бабушке в столовую, где все сидели за завтраком и, захлебываясь от восторга, делились своими впечатлениями. Я помню, что у отца болело горло и поэтому он не поехал на парад.

Конная гвардия считалась в нашем доме своим родным полком. Наш дед, великий князь Константин Николаевич, с детства числился в ней. Отец и дяденька, а также их старший брат Николай Константинович числились в конной гвардии с самого рождения. Поэтому Иоанчик с раннего детства решил, что тоже будет конногвардейцем и действительно прослужил в полку десять лет – до самой революции, беззаветно любя его. Последние годы перед войной Иоанчик тоже назначался ассистентом к штандартам на Благовещенском параде – как в свое время наш отец и дед. Таким образом – три поколения нашей семьи стояли на том же самом месте, на том же самом параде.

В 1897 году три главы великих держав приезжали в Россию с визитом к государю. Весной приехал австрийский император Франц-Иосиф, летом – германский император Вильгельм II с императрицей Августой-Викторией, а также президент Французской Республики Феликс Фор.

В день приезда австрийского императора Тинтин, Иоанчик и я пошли к Зимнему дворцу и стали на Дворцовой площади, неподалеку от подъезда ее величества, чтобы видеть приезд государя вместе с императором. По пути проезда государя и австрийского императора, от Николаевского вокзала вплоть до Зимнего дворца, шпалерами стояли войска. Государь вместе с императором приехали в коляске; государь был в австрийской форме, а император – в форме лейб-гвардии Кексгольмского полка, шефом которого он состоял. Как мне помнится, у него пальто было надето внакидку. Когда коляска остановилась перед подъездом, он выскочил из нее, как молодой человек, несмотря на свои шестьдесят пять лет.

По случаю приезда австрийского императора на Марсовом поле был устроен парад. Нас с Иоанчиком привезли в ландо, из которого мы смотрели на прохождение войск. Государь лично командовал парадом и потому все время был с вынутой шашкой. Став во главе войск, он, проезжая перед императором, салютовал ему шашкой и, заехав галопом, стал рядом с ним. За государем ехала громадная свита, которая тоже заехала галопом и стала позади императоров. Я помню, скачущими в свите, великих князей Андрея Владимировича и Александра Михайловича. За императорами стояли два трубача, конвойца, а рядом с ними – приехавший вместе с императором эрцгерцог Оттон Австрийский, отец последнего австрийского императора Карла.

Отец был тогда командиром Преображенского полка и провел его перед двумя императорами. Он, как и государь, был в ленте ордена Святого Стефана. Дяденька был очень эффектен перед конногренадерами, в особенности, когда заезжал к государю полевым галопом. Он и его лошадь составляли одно целое, лошадь шла под ним, как часы. Совершенно было незаметно, как дяденька ею управляет.

Парад окончился атакой кавалерии. Эта атака была гвоздем всего парада. В конце Марсова поля выстроилась вся бывшая на параде конница, то есть две дивизии. По приказанию государя два конвойных трубача, стоявших за ним, сыграли сигнал “карьер”. Тогда по команде великого князя Николая Николаевича вся масса конницы ринулась в карьер на императоров. Николай Николаевич скакал перед серединой всей этой массы, а непосредственно за ним – дяденька, за которым скакали конногренадеры на вороных лошадях, в черных касках с поперечным волосным гребнем.

Картина была поистине величественная и даже жуткая. Николай Николаевич остановился в нескольких шагах от императоров и скомандовал: “Стой! Равняйся!” Вся скакавшая масса конницы в один миг остановилась перед императорами. Николай Николаевич повернулся к ней лицом и скомандовал: “Палаши, шашки, сабли вон, пики в руку, слушай!” Блеснули на солнце палаши, шашки и сабли. “Господа офицеры!” – снова раздался голос Николая Николаевича. Офицеры опустили оружие, отдавая честь, а трубачи заиграли Гвардейский

поход, Николай Николаевич и дяденька повернулись, с опущенными шашками, лицом к императорам. Австрийский император подъехал к Николаю Николаевичу и пожал ему руку.

Германский император с императрицей и Феликс Фор приезжали летом в Петергоф, когда мы были в Павловске, и поэтому мы их не видели. По случаю их приезда были парады и разные торжества. Для германского императора был парадный спектакль в Петергофе на одном из островов на озере. Германский император назначил нашего отца шефом Прусского 5-го гвардейско-гренадерского полка. Отец заказал себе немецкую форму и снялся в ней. Он подарил фотографию в немецком мундире няне Ваве и написал на ней: “Твой питомец в виде супостата”.

Глава V. 1900–1902. Кадет

Я зачислен в Первый Московский корпус – Строевые занятия и ручной труд – Сам чищу себе сапоги – Поездка в Москву – В корпусе в Лефортово и у дяди, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича – Моя тетя поразительно красива и очень изящна

5 сентября 1900 года, в день именин матушки, Иоанчик и я были зачислены в кадетские корпуса: Иоанчик – в Первый, а я – в Первый Московский. Отец определил нас в корпуса по их старшинству: Иоанчика, как старшего, – в самый старший корпус, а меня – в следующий по старшинству. Когда дошла очередь до братьев, Константина зачислили в Нижегородский, Олега – в Полоцкий, Игоря – в Петровско-Полтавский и, наконец, Георгия – в Орловский Бахтина.

Мы узнали об этом великом событии накануне вечером. Отец вручил Иоанчику и мне по приказу (за своей подписью) по военно-учебным заведениям, № 100-й, в котором было сказано о нашем зачислении. Мы были невыразимо счастливы, что будем носить военную форму, и действительно уже на следующий день на нас надели однобортные черные мундиры с гладкими медными пуговицами, черными же воротниками, с красными петлицами и золотым галуном, красный кушак, черные длинные штаны и фуражки с красным околышем и черной тульей с красным кантом. У Иоанчика были красные погоны с желтой цифрой и буквой, “I.K.” – Первый кадетский, а у меня красные погоны с синим кантом и с желтыми “I.M.” – Первый Московский.

Нам полагались черные шинели того же покроя, как у солдат, и простые сапоги с короткими грубой кожи голенищами, которые надевались под штаны. Мы могли носить белые замшевые перчатки. Дома же мы ходили в сурового полотна гимнастерках или в бушлатах.

Переехав в Петербург, мы стали ездить на строевые занятия в Первый кадетский корпус, на Васильевском острове, а также на уроки ручного труда. Все остальные предметы мы проходили у себя дома. Иоанчика зачислили в 4-й класс, а меня в 3-й, но на строевых занятиях в корпусе я был вместе с Иоанчиком.

Ручному труду нас обучал один из воспитателей корпуса подполковник Соловьев, а директором корпуса был полковник генерального штаба Покотило. Кадеты звали его “дядя Пуп”.

В 1900 году, осенью, государь император, живя в Крыму в Ливадии, заболел брюшным тифом. Когда после болезни он вернулся в Петербург, по всему пути, от вокзала до Зимнего дворца, были выстроены шпалерами войска, а кадеты были выстроены на Дворцовой площади. Я очень радовался тому, что буду встречать государя, но накануне почувствовал себя нездоровым, вечером мне смили температуру, оказался жар, и вместо Дворцовой площади я попал в постель. Я был в отчаянии и даже плакал. Иоанчик пошел один. Он рассказывал потом, что едва видел государя, так как их величества ехали в закрытой карете. Мне помнится, говорили, что государь был недоволен, что ему подали карету, благодаря чему он плохо видел войска, как и они его. Я лично думаю, что ему подали карету нарочно, чтобы он не простудился после болезни, возвращаясь из теплого крымского климата в холодный Петербург.

Отец, став во главе военно-учебных заведений, начал приводить их в более военный вид. Так, корпуса снова, как в прежние времена, стали выносить в строй свои знамена. Возвращение знамени совершалось в торжественной обстановке, обыкновенно отец сам при этом присутствовал. Мне кажется, что это торжество в Первом кадетском корпусе совпало с праздником корпуса, 17 февраля 1901 года.

После обедни нас выстроили в громадном корпусном зале, который считался одним из самых больших в Петербурге. Говорили, что самым большим был зал Морского корпуса. На правом фланге стояла первая рота, с ружьями, и музыканты Павловского военного училища.

Парадом командовал сам директор корпуса, он был большой молодчина и что называется “человек с перцем”. Обыкновенно директорами корпусов того времени бывали люди, давно не бывшие в строю, и потому парадами командовал кто-нибудь из ротных командиров.

В зале была устроена ложа для матушки, в которой она стояла со своей фрейлиной, баронессой С.Н. Корф. Отец принимал парад. Перед строем служили молебен, после которого, обращаясь к корпусу, отец сказал речь по поводу возвращения знамени. Затем корпус два раза прошел перед отцом церемониальным маршем под музыку. Мы с Иоанчиком шли на правом фланге наших отделений, отдавая честь. Я был очень счастлив.

После парада внизу, в большой корпусной столовой, был парадный завтрак, на котором присутствовало много бывших кадет 1-го корпуса. Один из них, военный юрист, генерал-лейтенант Щербаков, выпуска 1863 года, продекламировал стихи своего сочинения, которые я до сих пор помню:

Сказать вам надо без сомненья,

Как первый корпус наш возник,

Как в историческом значеньи

Он стал героями велик.

Возник он в дни царицы Анны,

Ее указом дан завет

Гнездо орлиное кадет

России дать для службы бранной.

Заря в Румянцеве блеснула,

И корпус славой был покрыт,

Герою Ларги и Кагула

Навеки памятник открыт!

Дальше, между прочим, было сказано, что Иоанчик прославляет погоны корпуса. Отцу сначала как будто бы понравились эти стихи, но вчитавшись в них, он нашел их плохими.

Одно время нас с Иоанчиком заставляли самих чистить свои сапоги и медные пуговицы на мундирах. Это было перед тем, как нас отправили на неделю в наши корпуса, его – на Васильевский остров, а меня – в Москву. Так как кадетам полагалось самим чистить сапоги и пуговицы, мы тоже должны были уметь это делать.

В Великом посту я поехал с родителями в Москву. Родители остановились в генерал-губернаторском доме, у великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. Дядя Сергей был в то время московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа. Родители поместились в первом этаже. Не успели мы приехать, как вошел милый дядя Сергей и радостно, со свойственной ему приветливостью, приветствовал матушку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.